

ФАНТАСМАГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

БАЛЕТНАЯ труппа города Марселя очень молода — она основана в 1972 году. И тем не менее уже ясно, что это творчески смелый, ищущий коллектив. Первый спектакль, поставленный руководителем театра, известным французским хореографом Роланом Пети, «Зажгите звезды!» посвящен Владимиру Маяковскому, революции, насыщен пламенной патетикой.

Ролан Пети за короткий срок существования труппы поставил несколько балетов, но, как пишет мэтр города Марселя Гастон Деффер, «самым значительным спектаклем был балет, вдохновленный поэзией Уильяма Блейка, — «Гибель розы», с участием Майи Плисецкой, которая выступала в Париже и Марселе с труппой Ролана Пети».

Во время гастролей в Ленинграде балетная труппа города Марселя показала спектакль «Собор Парижской богородицы» по мотивам романа В. Гюго (музыка Мориса Жарра).

Мы видели этот балет, поставленный Р. Пети в 1969 году, в исполнении артистов Гранд-Опера. «Марсельский» вариант балета несколько отличается от того спектакля — он стал, пожалуй,

еще более обобщенным, лаконичным, жестким в своей пластической образности (художник — Рене Аллио, костюмы — Ив Сен-Лоран).

...СЦЕНА пуста, мы видим только большой помост с несколькими ступеньками, условный задник и опускающийся в нужные моменты «гобелен» с изображением собора. Открывается занавес, на первом плане стоит чопорная знать в белых с черным костюмах, в высоких причудливых головных уборах. Пары знатных горожан церемонно расходятся, и открывается «кричащая» яркими пятнами красных, зеленых, желтых костюмов толпа. Яркие раскрашенные лица, огромные мучильные ресницы у женщин — и грим и костюмы напоминают персонажей площадного, ярмарочного театра. В гротесковом, остром танце выразена иступленность жажда зрелища, потехи, престолюдины словно корчатся от смеха. Р. Пети находит интересные и острые, если можно так выразиться, пластические гримасы. Толпа потешается над горбатым и хромым званцем собора Квазимодо, кривляясь, поднимает его вверх, образует потешную и в чем-то жуткую комическую процессию.

Появление Клода Фролло прерывает веселье. Оно сменяется не менее иступленным молитвенным экстазом. Толпа — на коленях, идет выразительнейший танец корпуса и рук. Наверху, над коленопреклоненной толпой, — Клод Фролло в черном одеянии, с крестом на груди. Его руки сцеплены в молитвенных движениях; резкая,

словно отрывистая пластика создает ощущение гневной, суровой, угрожающей проповеди.

Кончается общая молитва, и появляется любимица толпы Эсмеральда. С ней нет традиционной козочки, нет и бубна, но все это вы видите, ощущаете в танце ее кисти трепещут, словно в них бубен, в ее резких шагах и неожиданных прыжках чудятся копытца несуществующей козочки — верной спутницы уличной плясуньи. Эсмеральда — Лойла Араухо — горда, своевольна, дика, таинственна в самом своем простодушии. Клод приказывает Квазимодо похитить Эсмеральду. Начинается сцена погони, неотступного, яростного преследования. Как в страшном кошмаре, возникает толпа в красных шутовских колпаках, в заплятанных одеждах — толпа бродяг, нищих, калек.

В танце кордебалета, в жутких сплетенных натающихся по земле тел — гротесковое обобщение человеческого уродства, нищеты, отчаяния и злобы. Калеки и нищие, сбившись в тесную группу, тлнут и Эсмеральде жадно, скрыленные руки. И здесь появляется Феб, золотоволосый, прекрасный, как бог. Широкий голубой плащ летит за ним, словно крылья ангела-спасителя. Его солдаты прогоняют ночной сброд и хватают Квазимодо. Начинается сцена жестокого избиения, истязания, войны изокрылостей, едва ли не пытаются Квазимодо, наконец, швыряют его на ступени помоста головой вниз и, самоодвально отряхивая, потирая руки, уходят.

Феб и Эсмеральда остаются вдвоем, не замечая, что за ними

неотступно следует Клод Фролло. Начинается своеобразное падетруа — Феб срывает с Эсмеральды платье, жадно домогается ее ласк, а священник корчится от ревности и ярости, наконец, пронзает Феба кинжалом и тут же исчезает.

Солдаты хватают Эсмеральду. И вот она, уже завернутая в какой-то траурно-черный плащ, ждет решения своей судьбы. Все — и судьи, и священник, и толпа — требуют для нее виселицы. Но Квазимодо вырывает Эсмеральду у стражи и скрывается с ней в соборе.

Толпа бросается за ним, но поднятая вверх фигура женщины с крестообразно раскинутыми руками напоминает о сляченном праве убежища. После мгновенного затемнения мы видим огромные, тяжелые, литые колокола, которые изо всех сил раскачивают ликующий Квазимодо.

Замечательно поставлен дуэт Эсмеральды и Квазимодо. Кстати говоря, у него нет буффорского горба, уродство передается чисто пластическими средствами. Почувствовав нежную благодатьность девушки, счастливый Квазимодо выпрямляется, угловатые движения пластического гротеска сменяются движениями классического танца, которые словно поют гимн человечности.

Усталая Эсмеральда засыпает, Квазимодо уходит, и тут появляется Клод Фролло. Очнувшись, Эсмеральда в ужасе отшатывается от священника. Его воля словно слабеет: он гипнотизирует, «нолдует», говорит заклинания, стремясь сломить ее сопротивление; она бьется, как птица, попавшая в силки.

Священник отменяет право убежища и отдает непокорную Эсмеральду солдатам, толпе, жаждущей кровавого зрелища. В угольно-черных костюмах мужчины и женщины с черными длинными космами распушенных волос ведут почти ритуальный танец, словно требуя какого-то жертвоприношения. Теперь у них густо набеленные, мертвенно бледные лица — шутовская потеха превратилась в жуткую мистерию. Они плотно соединяются в страшное, черное, копошащееся скопище, их руки со скрюченными, словно сведенными, пальцами напоминают паучьи лапы.

Удобно усевшись на пол, подперев подбородки руками, они жадно следят за тем, как волокут Эсмеральду к виселице, как палач набрасывает ей на шею петлю. Когда Эсмеральда умирает, они ложатся на пол, довольные, пресыщенные жестоким зрелищем.

Обезумевший от горя Квазимодо душит Клода Фролло и уносит тело Эсмеральды в глубь сцены, в отчаянии раскачивая его, как один из своих колоколов... Этот ход, эти движения Квазимодо — Ролана Пети — не только видны, но как будто и «слышишь», как погребальный набат...

РОЛАН Пети поставил удивительный балет, передающий весь ужас, всю ту жестокость средневековья, смело соединив красоту классического танца с острейшими гротесковыми пластическими «диссонансами», сочетая предельно условное оформление с натуралистически сделанными

виселицей и колоколами. Причудливость этих контрастных соединений создала спектакль, в котором реальность порой становится некой трагической фантазмагорией.

Все исполнители прониклись замыслом постановщика. И Ринар Дюкенуа (Клод Фролло) и Деш Ганно (Феб) танцуют точно, смело, увлеченно, я бы даже сказал, одержимо. О прекрасной Эсмеральде — Лойле Араухо — я уже говорил. Ролан Пети в роли горбатого Квазимодо подчеркивает глубоко скрытую лиричность, способность к глубокой человеческой преданности.

После окончания спектакля, выходя на бесчисленные вызовы зрителей, Ролан Пети и другие три солиста поворачиваются к кордебалету и благодарно аплодируют ему. Это не просто элегантный, эффектный жест — артисты кордебалета в этом спектакле танцуют удивительно выразительно, эмоционально и точно. Они определяют очень большую долю успеха. Увлеченность, с какой выполняют свои задачи буквально все участники балета, позволяет думать, что все они объединены творческой дружбой, единством художественных задач, слючены волей своего художественного руководителя. И по всем этом — надежный залог будущих удач и успехов.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,
заслуженный артист РСФСР